

УДК: 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-248-257

ГОЛОД В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ И.С. ШМЕЛЁВА, К. ГАМСУНА, ЛЮ ЧЖЭНЫЮНЯ

Сюе Чэнь

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119992, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье автором выявляется типология изображения голода в произведениях писателей, принадлежащих к русской, европейской, азиатской культурам, – И. Шмелёва («Солнце мёртвых»), К. Гамсуна («Голод»), Лю Чжэньюня («Воспоминания 1942»). Произведён анализ мотивов и образов в контексте специфики разных исторических условий, национального менталитета, биографических ситуаций. Отмечены стилевые доминанты текстов. Описывая голод как личную или национальную трагедию, экзистенциальное, онтологическое, социально-историческое явление, показывая пределы физических и моральных страданий, изображая психотипы голодающих и их рефлексии, Гамсун, Шмелёв, Лю Чжэньюнь выстроили повествование на сходных лейтмотивах. Человек представлен в условиях нисходящей эволюционной лестницы как биологический, но разумный, устремлённый к спасению феномен. Автором статьи установлены литературные аналогии, общие и специфические характеристики художественного восприятия стрессовых ситуаций.

Ключевые слова: библейский, бытие, витальные, голод, жизнь, каннибалический, мотив, смерть, теодицея, трагедия, филогения.

HUNGER IN THE ARTISTIC PERCEPTION OF I. SHMELEV, K. HAMSUN, LIU ZHENYUN

Xue Chen

*Moscow State Pedagogical University
1 build. 1, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119435, Russian Federation*

Abstract. The author of the article identifies the typology of images of hunger in the works of writers that belong to Russian, European and Asian cultures – I. Shmelev (“The Sun of the Dead”), K. Hamsun (“Hunger”), Liu Zhenyun (“Remembering 1942”). The author analyzes the motives and images in the context of the specifics of different historical conditions, national mentality, biographical situations and marks style dominants of the texts. Describing hunger as a personal or national tragedy, an existential, ontological, socio-historical phenomenon; showing the limits of physical and moral suffering; depicting the psychotypes of the famished and their reflections; Hamsun, Shmelev, Liu Zhenyun built a narration on similar keynotes. A man is represented in the conditions of a downward evolutionary ladder as a biological, but also a rational, phenomenon towards salvation. It consists in establishing literary analogies, general and

specific characteristics of artistic perception of stressful situations. The content of the article is an example of comparative studies.

Key words: Biblical, being, vital, hunger, life, cannibal, motive, death, theodicy, tragedy, phylogeny.

Наше исследование посвящено описанному в мировой литературе физическому и духовно-нравственному состоянию преобразования человека в условиях, когда преобразование внешнего мира практически невозможно. Акцент сделан на переоценке отношения к смерти и жизни. Мы остановились на текстах, представляющих три цивилизационных пространства – северную Европу, Евразию, Восток. Материал исследования – «эпопея» И.С. Шмелёва «Солнце мёртвых» (1926), которая написана автором после пережитой крымской трагедии, роман К. Гамсуна «Голод» (1890), к которому Шмелёв обратился во время крымского голода, и повесть китайского писателя Лю Чжэньюня «Воспоминания 1942» (1993). В этих произведениях поставлен вопрос «о смысле существования вообще и человеческой жизни в частности», а также вопрос о том, имеет ли «всё действительное и возможное» [12, с. 35] свой смысл. Повествования о голоде выстраиваются на сходных мотивах. Например: предел витальных возможностей человека, цивилизационный регресс, биологическая инволюция, людоедство, голод детей, голод животных, «равнодушная природа», смерть от голода, психологизированное восприятие текущего или статичного времени, обманутый и брошенный властью голодный человек, ожидание помощи Бога и др. Их типология выстраивается как «структурные семиотические компоненты художественного текста» [5, с. 93], как

выражение эпохи, мировоззрения писателей, их ментальности. Но априори заметим, что этническая, национальная идентичность не получила в теме голода определяющего значения.

В «Солнце мёртвых» отражено сознание человека в чрезвычайных условиях гражданской войны: в ноябре 1920 г. в Крыму устанавливается Советская власть, и как следствие – разрастаются голод и массовый террор (сто двадцать тысяч репрессированных, от стариков до детей). События, лёгшие в основу повествования, соответствуют реальным фактам, изложенным Шмелёвым в обращении «Защитнику русского офицера Конради – г-ну Оберу, как материал для дела» (1927). Шмелёв выстраивает повествование на реальных событиях. Голод в его изображении опустошает крымский мир, разрушает обжитое «природное пространство гармонично-культурного бытия» [7, с. 198]. Отметим, что массовый голод – мощный механизм истребления: «Если Первая мировая война унесла жизни 1,5 млн россиян, то голод 1921 г. уничтожил по разным данным от 5 до 7,5 млн населения страны» [1, с. 35]. Реалистичность описания в «Солнце мёртвых» синтезирована с чертами модернистской прозы. Так, «эпопея» выстраивается на мотивах и архаичных мифах, неомифах, символах. Доминирующая мифологема солнца утрачивает в тексте коннотацию источника жизни («Оно и в мёртвых глазах смеётся» [13, с. 16], «Солнце смеётся мёртвым» [13,

с. 231]), оно – «свидетель и соучастник зла, действительной национальной катастрофы» [10, с. 71]; актуализируется библейский сюжет об Иове, выстраивается аллюзия на каннибалический миф о Бабе-Яге, на мотивы Данте; крымские тюрьмы-подвалы осмыслены как символ смерти, голос с минарета – как символы спасения человека высшими силами и т. д.

Повесть «Воспоминания 1942» также основана на реальных фактах. Событиям российской жизни соответствует социальная обстановка в Китае 1942 г.: беспрецедентный голод вследствие Второй мировой войны, когда территории Китая были оккупированы Японией. Шмелёв описал тотальный голод как сопутствующий войне, Лю Чжэньюнь также изобразил, как война вносит в устоявшуюся жизнь хаос, неурожай, голод: «около тридцати миллионов китайцев пострадали от голода, три миллиона умерли от голода» [6, с. 4]). Голод в провинции Хэнань и в Крыму показаны не только как социальные, но и бытийные трагедии.

Роман «Голод» написан К. Гамсуном после возвращения из эмиграции на родину, опубликован полностью в 1890 г. Само название говорит о теме, к которой впоследствии обратились Шмелёв и Лю Чжэньюнь. Как и в произведении Шмелёва, повествование ведётся от первого лица. Автор описывает историю молодого непризнанного писателя, который каждый день находился на грани голодной смерти. Реальность и причудливые, болезненные фантазии переплетаются в его сознании, мысли мучительно бродят между идеальным и реальным мирами. «Голод» – не столько социальный, сколько психологический роман, в котором ав-

тор прибегает к аллюзиям на произведения Ф.М. Достоевского. В одном из писем Гамсуна есть такое признание: «Достоевский – единственный художник, у которого я кое-чему научился, он – величайший среди русских гигантов» [8, с. 7]. Человек, как в прозе Достоевского, изображён в пограничном с точки зрения психики состоянии. В этом тексте речь идёт о экзистенциальных проблемах одиночки на фоне благополучной Христиании.

В трёх произведениях события происходят в разные исторические времена, авторы принадлежат к разным национальным культурам, но и в «Голоде», и в «Солнце мёртвых», и в «Воспоминаниях 1942» развёрнута универсальная в мировой литературе тема пределов человеческих возможностей, описаны психотипы, так или иначе проявившие себя в экстремальных ситуациях, прозвучал вопрос о воле Бога в судьбах человечества и человека, по сути – о теодицее.

Шмелёв – свидетель крымской трагедии. Гамсун, как его герой, жил в Христиании в пору своей голодной юности и, скорее всего, был прототипом. Лю Чжэньюнь, напротив, не имел личного опыта своих персонажей и не пережил описанного в повести, однако жертвами голода и без вести пропавшими были его родные. Повесть Шмелёва – философская, но, как и повесть Лю Чжэньюня, исторически-документальна, тогда как роман Гамсуна – целенаправленно психологизированное повествование.

Мотивации поступков и сами поступки, интеллектуальная жизнь, эмоциональные рефлексии описаны в условиях и социального слома, и религиозно-мыслительных пережи-

ваний, и физических лишений, и моральных поражений, и биологических искажений. Так, человек становится статистом в бытийном эксперименте – ему нечего есть. Иссякают витальные силы, и герой Гамсуна не может даже плакать. В «Воспоминаниях 1942» людям не под силу похоронить умерших. Больница не принимает опухших с голоду, приюты не берут детей – и в какой-то момент страдальцы ожидают смерть как спасение. Характерен эпизод в «Солнце мёртвых»: рассказчик встречает женщину с бессмысленным, тупым выражением лица. Голод уродует внешний вид человека, и если в «Солнце мёртвых» встречаем, например, такую деталь: «Его опухшее жёлтое лицо – лицо округи – говорит ясно, что голодают» [13, с. 109]); то и в «Воспоминаниях 1942» читаем: «У пострадавших от голода лицо опухло, потемнело в глазах. Они съели отравленные травы» [6, с. 15].

По мысли П. Сорокина («Голод как фактор», 1922), человек – своего рода машина, но биологически чрезвычайно сложная, и, «подобно всякой машине, человеческий организм для своей работы-жизнедеятельности, которая представляет собой расходование энергии, нуждается в её притоке извне (как паровоз нуждается в топливе)» [9, с. 54], иначе – в пище. Как биологический вид человек в названных произведениях пытается жить в навязанных ему условиях обратной филогении, перед ним – нисходящая эволюционная лестница. Во всех трёх произведениях описаны аналогичные ситуации: «Когда доели все листья, начали варить кору деревьев. Сегодня сказали, что кто-то умер от голода, кто-то отравился от сорной травы...»

[6, с. 15]; «Будем кормиться виноградными косточками, жмыхом! Его едят люди и умирают. Продают на базаре, как хлеб когда-то» [13, с. 156]; «Я оторвал карман от своей куртки и принялся жевать его» [2, с. 153]. Герой Гамсуна, голодая несколько дней подряд, доходит до психологической точки невозврата – голод мучает его до бешенства. Он глотает слюну, он сует чистые стружки и камешек в рот, жуёт поднятую с земли щепку, но реальное физическое состояние оказывается сильнее наивных фантазий. В романе Гамсуна человек, как собака, гложет кость без мяса, от неё исходит омерзительный запах спёкшейся крови. Меняется аксиология существования, выстраивается абсолютно биологический смысл жизни: «Всю свою жизнь за чечевичную похлёбку» [2, с. 150]. Обратной филогенией отмечена жизнь доктора из «Солнце мёртвых».

В произведениях описано, как человек словно пятится к предшествующему филогеническому звену. Например: «Когда в мире не осталось ничего, что можно было бы съесть, человек подобно собаке мог съесть человека, проявилась волчья натура» [6, с. 39]. Разрушение моральных скреп проявляется в описанном Лю Чжэньюнь и Шмелёвым людоедстве: «А здесь звери в железе ходят, здесь люди пожирают детей своих, и животные постигают ужас» [13, с. 24]; «Одна мать варила своего двухлетнего ребёнка и ела; один отец задушил своих двух детей, варил и ел» [6, с. 39].

В повестях Шмелёва и Лю Чжэньюня апогей катастрофичности бытия – страдания детей. Читаем у Лю Чжэньюня: «они худые – кожа да кости, в глазах как будто яма с гноем, опухший

живот от голода, кожа потрескалась от сурового климата. Их голос хриплый и слабый, они уже не в силах попросить еды» [6, с. 57]. Читаем у Шмелёва: «Гляжу – мальчишки, чего такое с костями делают? Гляжу... лежат на брюхе, копыто гложут. Грызут-урчат. Жуть взяла...» [13, с. 42].

Онтологический смысл трагедии в «Солнце мёртвых» и «Воспоминаниях 1942» выражен и в теме голода животных. Шмелёв создал запоминающийся образ кричащего и долбящего сухую землю павлина, описал трупы брошенных добровольцами коней, особенно трогательно изображена беспомощность курочек, они день ото дня худеют, слабеют, становятся лёгкими, как их перья. Рассказчик не может их есть – курочка Торпедка умирает на его руках, и он закапывать её в землю. Судя по письмам к В. Вересаеву, курочки напоминали Шмелёву о расстрелянном в Крыму сыне, и, скорее всего, именно это заключено во фразе: «Бедные мои птицы, они худеют, тают, но они связывают нас с прошлым...» [13, с. 12]. Корова Тамарка раньше каждый день давала бутылки три молока для всей семьи, а теперь: «В её стеклянных глазах я вижу слёзы. Немые коровьи слёзы. Голодная слюна тянется-провисает к колючей ажине, которую она жевала» [13, с. 18]. Умирают и дома, они опустошены и разрушены.

Но и Лю Чжэньюнь пишет о том же: «Уже убили всех коров, от свиней остались только кости, курочки даже не в силах открыть глазки» [6, с. 15]). С одной стороны, он, как Шмелёв, сочувствует участи животных. С другой – отметим, что в 1942 г. в Хэнани собаки были гораздо более защищены биологически, чем люди: по дорогам были

разбросаны трупы незахороненных людей. Лю Чжэньюнь, таким образом, ввёл в текст философу бумеранга: человек ел животных – животные ели человека. При этом деформация в цепочке «зверь – человек» происходит «перед глазами природы» – вечной, равнодушной, не прерывающей законов своего бытия: «Шёл первый снег зимой в 1942 году, пострадавшие спали на снежном поле, становясь скульптурами под снегом» [6, с. 98]. Сравним с высказыванием Шмелёва, в интонационной ровности которой – та же безучастность: «На перевале снега, пустые дороги в море... пустые – за горами» [13, с. 212].

Бытийное содержание происходящего выражено и через мотив времени. В «Солнце мёртвых» время, с точки зрения голодного доктора, теряет всякий смысл, символизирует бесконечные страдания и путь в ничто. Время как бы не существует в крымском пространстве: часы доктора – буржуазный пережиток, прошедший день для рассказчика – убитый. Рождается новая философия времени: «День теперь ни к чему, и календаря не надо. Бессрочнику всё едино» [13, с. 7]. Главным пространственно-временным феноменом выступает солнце, обозначающее круговорот без начала и конца. Восходя день за днём, оно ослепляет, выжигает, «все мысли плавит» [13, с. 85]. Оно высоко ходит за горами, равнодушно смотрит на умирающих в Крыму: «Здесь расстреляли на полном солнце» [13, с. 104]; «Это же смеётся солнце, только солнце. Оно и в мёртвых глазах смеётся» [13, с. 16]. И.А. Ильин писал, что «заглавие “Солнца мёртвых”, по виду бытовое, крымское, историческое, таит в себе религиозную глуби-

ну: ибо указывает на Господа, живого в небесах, посылающего и жизнь и смерть, – и на людей, утративших Его и омертвевших во всем мире» [3, с. 45]. Солнце уже не источник жизни, а символ смерти, является единственным царём в космосе.

В романе «Голод» Гамсуна мотив времени также значим, оно равнодушно отсчитывает жизнь героя: «Я лежу без сна... как часы внизу бьют шесть» [2, с. 3]; «Когда я встал, часы внизу пробили восемь» [2, с. 4]); «Пробило девять часов» [2, с. 4]. Время в психологическом пространстве героя течёт медленно, напоминает ему о продолжительности голода. Солнце у Гамсуна тоже выступает как временной феномен: «Солнце светило с юга, было около полудня» [2, с. 18]; «Солнце уже пригревало, было девять часов» [2, с. 80]. Герой бредёт по холодному городу, и солнце угнетает его, усугубляет физические терзания.

В «Воспоминаниях 1942» время также знаковый мотив, оно – свидетель массового голода. Сюжет развёртывается хронологически. Причём один из персонажей, убегая, бросая нажитое добро, забирает с собой настенные часы, но они для него – не измеритель времени, а показатель социального статуса, по сути утраченного им в ужасной реальности. Он, в отличие от шмелёвского доктора, держится за этот буржуазный пережиток.

И в «Солнце мёртвых», и в «Воспоминаниях 1942» решаются вопросы отношения человека и власти. Власть обманула гибнущий в голоде народ: «На хлебной Волге погибают миллионы от голода... а радио оповещает мир, как все довольны...» [13, с. 93]. Доктор говорит о красном терроре: «только в

одном Крыму, за какие-нибудь три месяца! – человечьемя мяса, расстрелянного без суда! Восемь тысячи вагонов, девять тысяч вагонов! Поездов триста! Девять тысяч тонн свежего человечьемя мяса, мо-ло-до-го мяса! Сто двадцать тысяч го-лов! Че-ло-ве-ческих» [13, с. 70]. Писатель развернул картину хамских зверств большевиков не только по отношению к их политическим противникам, но и к обманутому народу, к самой жизни человека, животных и природы. «Большевики для Шмелёва всё равно что старьёвщик, который для будущего наварит из человеческих костей клей...» [11, с. 127]. Уничтожительно описан некий Шура – благополучный и сытый представитель новой власти. К этой же теме обратился Лю Чжэньюнь, он пишет о лжи местных властей и иллюзиях верховной власти: «президент даже не верит, что в Хэнани произошли голодные бедствия, ему лгали местные правители» [6, с. 22]. В Хэнани народ подневолён: «В страшные голодные годы местные правители вжимали продналог, пострадавших заставляли отдать свои последние зёрна армии» [6, с. 24].

Гамсун, Шмелёв, Лю Чжэньюнь, описав трагизм существования, как бы помещают своих героев между полюсами жизни и смерти. В рассматриваемых нами произведениях отражён процесс физического и духовного уничтожения человека. Читаем у Шмелёва: «Ожидающие своей смерти голодные говорили: налопались чужой коровятины... вот и сдохли» [13, с. 230]; «Не надо бояться смерти... за ней истинная гармония» [13, с. 113] и т. п. Лю Чжэньюнь пишет: «Умирай! Умирай! Теперь лучше в земле, чем на земле» [6, с. 157] и т. п. Читаем у Гамсуна: «Голод

мучил меня, мне хотелось умереть» [2, с. 67]; «У меня было такое чувство, что жизнь почти покинула меня и песенка моя спета» [2, с. 156] и т. п. Жизнь выглядит как погост. Тема смерти от голода и в «Голоде», и «Солнце мёртвых», и «Воспоминаниях 1942» – яркий пример литературной танатологии. Смерть описана как следствие переживания сильнейшего эсхатологического кошмара. В непрекращающихся страданиях они привычно ожидают гибели, смерть у Шмелёва приобретает философско-религиозный смысл: «Смерть у дверей стоит, и будет стоять упорно, пока не уведёт всех. Бледной тенью стоит и ждёт» [13, с. 218]; «Я видел смертёныша, выходца из другого мира – из мира Мёртвых» [11, с. 231]; «Но прорицать можем. Финал-то нам виден: смерть!» [13, с. 58]; «Мы потеряли не счёт... мы потеряли жизнь! Для мёртвых всё – ни-че-го!» [13, с. 92].

Однако писатели всё же не уподобляют человека животному. Их герои наделены интеллектом (так, герои Шмелёва изучают географию и иностранные языки). У них есть душа, пусть опустошённая («и души, души опустошённые, человеческие» [13, с. 61]), но живая. Экзистенциальный комплекс героя Гамсуна разрешается совестью: он присваивает себе кроны продавца лавки и признаётся в своём преступлении. Герои наделены волей. В «Солнце мёртвых» далеко не все тупо существуют, люди живут вопреки обстоятельствам, шлют друг другу еду, чистят дверные ручки, вырываются из тюрем-подвалов.

Наконец, в «Голоде», «Солнце мёртвых», «Воспоминаниях 1942» прозвучала тема Божьей силы. В ряде эпизодов танатологические ситуации

описаны в контексте мотива веры. Жители провинции Хэнань в отчаянии обращаются к высшим силам. Иностранцы миссионеры из разных стран приезжают в Китай, пытаются привить населению христианство – чтобы оно укоренилось в этой древней восточной стране. Они устраивают площадку для раздачи каши, создают больницу: «Хотя беженцы неграмотные, они уже осознали, что эти “чужие” миссионеры – их единственный спаситель» [6, с. 55]; «Только эти миссионеры поселили надежду в их душах» [6, с. 55]. Их усилия воспринимаются как Божья помощь. Китайский священник старается убедить страдальцев, убегающих из голодающих мест, верить в Бога: «Бог приказал Моисею организовать Исход евреев из Древнего Египта, и мне тоже Бог приказал вывести вас отсюда» [6, с. 96]. Он пел умершим реквием («пусть они умирают как люди» [6, с. 56]).

Мотив Божьей помощи усилен в «эпопее» Шмелёва. Причём национальный аспект веры не имеет значения. Герой-рассказчик Шмелёва, получив помощь от татарина Гафара, укрепляется в христианской вере: «Теперь ничего не страшно. ... Знаю я: с нами Бог! Хоть на один миг с нами» [13, с. 205]; «Великий Бог, и будет пребывать вечно, и всё сущее Его Воля. Вознесите великому молитву за день грядущий!» [13, с. 99]; Смерть и воскресение – доминанты православного сознания. Как отметил И. Ильин, «наша земная смерть есть не что иное, как наше сверхземное рождение» [4, с. 346]. Этот мотив также отмечается у Шмелёва, «Весна... не отомкнёт ли она земные недра, не воскресит ли Мёртвых? Чаю Воскресенья Мёртвых! Я верю в чудо! Великое Воскресе-

нье – да будет» [13, с. 231]. В «Солнце мёртвых» описано духовное возрождение человека, пребывающего в земном аду, обретение Бога. Путь к этому обретению лежит через кризис веры. Крест, выступающий символом христианства, на время утратил сакральный и онтологический смысл: «Крест – само естество живое – в опустевшей Глубокой балке. Будет стонать, вопить» [13, с. 101]. Однако рассказчик желает чуда, и через чудо – спасения: «Я верю в чудо! Великое Воскресенье – да будет» [13, с. 231].

В «Голоде» Гамсуна также звучит мотив веры. Герой жалуется Богу: «Господи, до чего же мне всё-таки не везёт» [2, с. 12]; он задаётся вопро-

сом: «Неужель перст Божий коснулся меня? ... что во всём мире он отыскал именно меня» [2, с. 20]. После острой психологической рефлексии он попросил у Бога милости и покоя: «Господи всемогущий. Я жизнь готов отдать за единый миг счастья!» [2, с. 150].

Гамсун, Шмелёв, Лю Чжэньюнь осмыслили трагизм мира экзистенциально, онтологически, социально-исторически. Однако трагизм не абсолютизирован, каждый в поисках разрешения катастрофы обращается к Господу.

*Статья поступила в редакцию
29.10.2018 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Василенко В.В. «...Я видел голод и знаю теперь, что это значит»: П.А. Сорокин о голоде 1921 г. // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 3. С. 34–43.
2. Гамсун К. Голод. М.: АСТ, 2018. 224 с.
3. Ильин И.А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелёв. М.: Скифы, 1991. 216 с.
4. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. 590 с.
5. Красильников Р.Л. Танатологические мотивы в художественной литературе. М.: Языки славянской культуры, 2015. 488 с.
6. Лю Чжэньюнь. Воспоминания 1942. Ухань: Издательство художественное Янцзы, 2012. 220 с.
7. Нариевская В.Д., Степанова А.А. Иван Шмелёв как крымский человек (на материалах переписки И. Шмелёва и О. Бредиус-Субботиной) // И.С. Шмелёв и литературно-эмигрантские процессы XX века. Симферополь: Алуштинский литературно-мемориальный музей С.Н. Сергеева-Ценского, 2007. С. 197–206.
8. Сучков Б. Кнут Гамсун // Гамсун К. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1991. С. 5–42.
9. Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia, LVS, 2003. 684 с.
10. Солнцева Н.М. Иван Сергеевич Шмелёв: Аспекты творчества. М.: КРУГЪ, 2006. 256 с.
11. Солнцева Н.М. Иван Шмелёв. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 2007. 510 с.
12. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: АСТ, 2003. 396 с.
13. Шмелёв И.С. Солнце мёртвых. М.: Комсомольская правда, Директ-Медиа, 2015. 240 с.

REFERENCES

1. Vasilenko V.V. [“I’ve seen the famine and now I know what it is”: P. Sorokin about the famine in 1921]. In: Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya [Humanities and law studies], 2016, no. 3, pp. 34–43.

2. Hamsun K. Golod [Hunger]. Moscow, AST Publ., 2018. 224 p.
3. Il'in I.A. O t'me i prosvetlenii: Kniga khudozhestvennoi kritiki. Bunin. Remizov. Shmelev [On darkness and enlightenment: Book of art criticism. Bunin. Remizov. Shmelev]. Moscow, Skify Publ., 1991. 216 p.
4. Il'in I.A. Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 3 [Collected works in 10 volumes. Vol. 3]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1994. 590 p.
5. Krasil'nikov R.L. Tanatologicheskie motivy v khudozhestvennoi literature [Thanatological motives in literature]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2015. 488 p.
6. Liú Zhènyún. Vospominaniya 1942 [Memories 1942]. Wuhan, Izdatel'stvo khudozhestvennoe Yantszy Publ., 2012. 220 p.
7. Narievskaya V.D., Stepanova A.A. [Ivan Shmelev as a Crimean man (on the correspondence materials of I. Shmelev and O. Bredius-Subbotina)]. In: I.S. Shmelev i literaturno-emigrantskie protsessy XX veka [I. Shmelev and literary emigrant processes of the twentieth century]. Simferopol, Alushta literary and memorial Museum of S.N. Sergeev-Tsensky Publ., 2007. pp. 197–206.
8. Suchkov B. [Knut Hamsun]. In: Gamsun K. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 1 [Hamsun K. collected works: in 6 volumes. Vol. 1]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991. pp. 5–42.
9. Sorokin P.A. Golod kak faktor. Vliyanie goloda na povedenie lyudei, sotsial'nyu organizatsiyu i obshchestvennyu zhizn' [Hunger as a factor. The influence of hunger on human behavior, social organization and social life]. Moscow, Academia, LVS Publ., 2003. 684 p.
10. Solntseva N.M. Ivan Sergeevich Shmelev: Aspekty tvorchestva [Ivan Shmelev: Aspects of creativity]. Moscow, KRUG' Publ., 2006. 256 p.
11. Solntseva N.M. Ivan Shmelev. Zhizn' i tvorchestvo [Ivan Shmelev. Life and work]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2007. 510 p.
12. Trubetskoi E.N. Smysl zhizni [The meaning of life]. Moscow, AST Publ., 2003. 396 p.
13. Shmelev I.S. Solntse mertvykh [The sun of the dead]. Moscow, Komsomol'skaya Pravda Publ., Direkt-Media Publ., 2015. 240 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сюе Чэнь – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного процесса Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

e-mail: xuechen0430@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Xue Chen – postgraduate student at the Department of the history of the modern Russian literature and the modern process, Lomonosov Moscow State University;

e-mail: xuechen0430@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сюе Чэнь. Голод в художественном восприятии И.С. Шмелёва, К. Гамсуна, Лю Чжэньюня // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 248–257.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-248-257

FOR CITATION

Xue Chen. Hunger in the artistic perception of I. Shmelev, K. Hamsun, Liu Zhenyun.
In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5,
pp. 248–257.

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-248-257